

концепции, пусть и весьма привлекательной, но все же построенной в основном на научной интуиции и логическом анализе всей совокупности косвенных данных. Как бы там ни было, мы имеем дело с очень серьезным исследованием, тема которого выходит далеко за рамки проблемы происхождения империи Ахеменидов и ее устройства и которое объективно едва ли может быть проигнорировано при изучении в дальнейшем самых разных аспектов истории и культуры ранних государственных образований на территории Иранского плато и Средней Азии.

В.П. Никоноров

HESKEL J. *The North Aegean Wars, 371–360 B.C.* Stuttgart: Steiner, 1997 (Historia – Einzelschriften. Ht 102). 186 p.

Казалось бы, в политической истории греческого мира IV в. до н.э. уже не осталось «белых пятен». Позднеклассическая эпоха, в достаточно полной мере освещенная источниками, многократно становилась предметом внимания антиковедов. Основные события внешнеполитической жизни этого времени подвергались и реконструкции, и интерпретации; создавалось впечатление, что сказать новое слово в этой области, например «открыть» ранее неизвестную военную кампанию, уже весьма сложно. И тем не менее в нашем случае речь идет именно об этом.

Молодая исследовательница Джулия Хескел посвятила свою первую монографию, вышедшую в приложении к журналу «Historia», практически совершенно не исследованной теме – войнам в Северной Эгее в 360-х годах до н.э. Имеются в виду многолетние тщетные попытки афинян восстановить свое господство в Амфиполе и Херсонесе Фракийском, утерянное в годы Пелопоннесской войны. Впрочем, помимо Афин в события в этом регионе в рассматриваемый период оказался втянутым целый ряд других государств и политических объединений. Достаточно только перечислить основных участников конфликта, чтобы убедиться, с каким сложным клубком противоречий мы имеем дело: Афины, македонские Аргеады, фракийский царь Котис I и его непокорный вассал Мильтокит, Фивы, достигшие в эту эпоху наибольшего могущества, Халкидский союз во главе с Олинфом, персидские сатрапы областей Западной Малой Азии (как сохранявшие лояльность царю, так и сепаратистски настроенные и, как следствие, постоянно воевавшие друг с другом), а также подвластные им греческие правители, зачастую выходившие из-под контроля своих сюзеренов. Интересы всех этих сил переплелись на северном побережье Эгейского моря. Спарта, хотя прямо и не участвовала в военных действиях, тоже внесла свою лепту в развитие событий. Не следует забывать и об устремлениях самих северозегейских городов (прежде всего Амфиполя), отнюдь не желавших быть пассивным объектом чьих-то притязаний и в меру своих сил пытавшихся проводить собственную политику. Наконец, дополнительным дезорганизирующим фактором являлось присутствие в регионе Харидема с отрядом наемников, неоднократно изменявшего своим «работодателям» и переходившего к новым: за время рассматриваемого конфликта он успел побывать на службе почти у всех его участников¹.

Тема, поставленная Дж. Хескел во главу угла, таким образом, уже а priori обещает быть сложной, но интересной. Однако, как ни парадоксально, ранее она еще ни разу не становилась предметом специального исследования, тем более монографического. Разумеется, авторы общих работ по истории второго Афинского морского союза, Фив, Македонии, Халкидского союза не могли не затрагивать этих вопросов хотя бы одним-двумя абзацами². Но дальше беглых замечаний, как правило, не шло. Одной из причин такого

¹ О ненадежности и неконтролируемости командиров наемных отрядов см. *Burckhardt L. Söldner und Bürger als Soldaten für Athen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr.* Stuttgart, 1995. S. 131 f.; *Marinović L.P. La vocation politique des mercenaires // Cahiers des études anciennes.* 1997. 33. P. 120.

² *Buckler J. The Theban Hegemony, 371–362 B.C.* Camb. Mass., 1980. P. 121 f., 255 f.; *Borza E.N. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon.* Princeton, 1990. P. 182 f.; *Cargill J. The Second Athenian League.* Berkeley, 1981. P. 34; *West A.B. The History of the Chalcidic League.* Madison, 1973. P. 108–114.

положения вещей является слабая освещенность событий в источниках, поскольку Северная Эгеида бесспорно не была основным театром военных действий этого времени. Несколько речей аттических ораторов (Aesch. II; Dem. XXIII; [Dem.] L – речь, обычно приписываемая Аполлодору, сыну Пасиона) с их неизбежной субъективностью и фрагментарностью изложения, XV книга Диодора, дающая очень сжатую сводку событий, краткие упоминания у Ксенофонта и Исократ, ряд надписей – вот, как отмечает автор (с. 13–15), весь материал, на который можно опереться при реконструкции хода конфликта.

Отсюда – распространенное мнение о периферийности, малом значении этих войн для греческой истории IV в. (именно с этим мнением Дж. Хескел полемизирует всей своей книгой), что и вызывает нежелание останавливаться на них сколько-нибудь подробно. Регион Амфиполя и Херсонеса стал привлекать серьезное внимание исследователей лишь с того момента, когда там начался известный конфликт между афинянами и Филиппом II, имевший действительно огромное значение для общего расклада сил в Элладе. Но при подобном подходе уходит в тень предыстория событий, имевших место и с той, и с другой стороны, не удается нащупать корни афино-македонской войны. Этот пробел и восполняет в определенной мере рецензируемая монография, автор которой был закономерно выведен на данную проблематику именно изучением внешней политики Филиппа II (с. 11). Оказалось необходимым представить в деталях, как конкретно и при каких обстоятельствах сложилось то положение в Северной Эгеиде, которое застал Филипп, придя к власти. Последним объясняется тот факт, что книга заканчивается именно на 360/359 г. до н.э., хотя эта дата и не может считаться какой-то объективной вехой в развитии конфликта. Напротив, хронологическая точка, с которой исследование начинается (371 г.), представляется вполне обоснованной. Именно в этом году на конгрессе в Афинах было принято решение возратить Амфиполь, поддержанное большинством полисов и даже Македонией (Aesch. II. 32–33).

Дж. Хескел – ученица Эрнста Бэдиана, благодарность которому она выражает в начале работы (с. 11). Характерными чертами исследовательского метода этого виднейшего американского антиковеда являются широта научных интересов (не случайно его имя много говорит специалистам как по древнегреческой, так и по римской истории)³, скрупулезное внимание к деталям, особенно хронологическим, в совокупности с прекрасным умением вписать отдельные анализируемые события в максимально широкий исторический контекст, критический, творческий подход как к источникам, так и к историографии вопроса, позволяющий ему практически во всех случаях предложить новые, порой неожиданные выводы. Как мы увидим, в ряде отношений школа Бэдиана заметно ощущается и в работе автора рецензируемой книги.

Во введении (с. 13–17) исследовательница вначале останавливается на слабой изученности темы и на состоянии источниковой базы, затем дает краткую зарисовку афинской активности в североэгейском регионе от ее начала (датируемого второй половиной VI в. до н.э.⁴) до конца 370-х годов. Основной текст монографии делится на две части, посвященные соответственно войне за Амфиполь (ч. 1, с. 19–52) и войне за Херсонес (ч. 2, с. 53–153). Такое разделение обусловлено скорее удобством изложения, нежели реальной независимостью этих войн друг от друга. На деле военные действия в обоих регионах тесно переплетались, проходили в одно и то же время и велись одними и теми же методами. Даже действующие лица в обеих кампаниях зачастую одни и те же (Ификрат, Тимофей, Харидем и др.). Чтобы нарисовать по возможности целостную картину и при этом проследить события обеих войн, автору приходится очень часто прибегать к перекрестным ссылкам. Нельзя сказать, чтобы это облегчало работу с книгой.

В свою очередь каждая из двух частей включает, во-первых, детальный разбор всех сложностей и неясностей, связанных с хронологией конфликтов, с целью установить по возможности полную и непротиворечивую последовательность событий (гл. 1, с. 19–37; гл. 3, с. 53–122) и, во-вторых, собственно реконструкцию хода военных действий в обоих регионах (гл. 2, с. 38–52; гл. 4, с. 123–153). На хронологических экскурсах нам предстоит подробнее остановиться ниже. Пока же необходимо в двух словах воспроизвести итоги исторической реконструкции. В целом она бесспорно удачна, тем более если учитывать,

³ Специально внешней политике Афин IV в. до н.э. посвящена его недавняя работа: *Badian E. The Ghost of Empire: Reflections on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // Die athenische Demokratie... S. 79–106.*

⁴ Возможно, афинская заинтересованность на северо-востоке Эгеиды прослеживается уже с конца VII в. до н.э., когда афиняне основали колонию в Элеунте (на Херсонесе Фракийском); см. *Jeffery L.H. Archaic Greece. L., 1978. P. 89.*

что автору ввиду изложенных выше обстоятельств пришлось во многом начинать с нуля, да еще и не имея твердой опоры в источниках.

За точку отсчета амфипольской кампании автор принимает, как уже было сказано, 371 год до н.э. Узнав о решимости афинян восстановить контроль над их городом, амфиполиты заключили союз с Олифтом, расширявшим в этот период свое влияние в Северной Эгеиде и даже вмешавшимся в 368 г. в борьбу за престол в Македонии, поддержав одного из претендентов — Павсания. К этому времени в районе Амфиполя уже находился афинский стратег Ификрат, прибывший туда с небольшим контингентом и нанявший на службу отряд Харидема. По просьбе правившего на тот момент в Македонии царя (им был Птолемей) Ификрат оказал ему военную помощь и разбил Павсания, естественно, рассчитывая на ответную поддержку. Однако в том же году Пелопид, прибыв с войском в Македонию, вынудил Птолея заключить союз с Фивами и порвать с Афинами. Осада Амфиполя затянулась и начала приносить ощутимые плоды лишь три года спустя. Амфиполиты, сознавая слабость своего положения, заключили новый союз, на этот раз — с Птолемеем (оставшийся, впрочем, без серьезных последствий). В 365 г. Ификрат был отстранен от командования и удалился ко двору Котиса Фракийского; ведение военных действий было поручено Тимофею, только что блестяще завершившему покорение Самоса. Примерно тогда же амфиполиты запросили у Олинфа гарнизон, который и был введен в город.

Тимофей, не без труда привлекая к своей стороне Харидема (последний первоначально собирался перейти к олифтянам) и заручившись поддержкой нового македонского царя Пердикки III, переменил стратегию, перейдя к широкому наступлению на саму Халкидику. Операция продолжалась с большим успехом до 362 г. и привела к захвату ряда халкидских городов (Тороны, Потидеи и др.). Это заставило Олиф вывести гарнизон из Амфиполя, но его вскоре сменил присланный по просьбе амфиполитов гарнизон Пердикки. Тимофей обрушился на Македонию, но после нескольких месяцев побед был вынужден отойти к Херсонесу Фракийскому. Таким образом, все попытки Афин завладеть Амфиполем оказались безуспешными.

Еще более сложный клубок противоречий сплелся вокруг Херсонеса. Запутанность ситуации в этом регионе усугубляется ее тесной связью и переплетением с «Великим восстанием сатрапов», хронология которого сама по себе не является достаточно выясненной. По условиям Антаклидова мира города Херсонеса считались автономными. Но в 368 г. Филиск, посланник сатрапа Геллеспонтской Фригии Ариобарзана, передал афинянам обещание Артаксеркса II признать их права на Херсонес. В 367 г. в Сузы было направлено афинское посольство; одновременно туда прибыли посольства Спарты и Фив (во главе с Пелопидом). Последнему удалось добиться в ходе переговоров выгодных для фиванцев условий мира. Но уже в следующем году на новом конгрессе в Сузах договор был пересмотрен и все не удовлетворявшие афинян статьи устранены; персидский царь соглашался на возвращение Афинам не только Херсонеса, но и Амфиполя. Командующим в войне за Херсонес был назначен Тимофей, но в пункт своего назначения он прибыл не скоро. Поддерживавший его Ариобарзан вскоре открыто восстал против царя. Тимофею пришлось отвлечься вначале на осаду Самоса, занявшую почти год, а затем на амфипольскую кампанию, длившуюся еще несколько лет (о чем говорилось выше).

В 363 г. свои претензии на Херсонес заявил фракийский царь Котис I. Посланный им полководец Мильтоцит, несмотря на сопротивление афинян, осадил и взял ряд важных городов полуострова (Сест, Критоту), но вскоре поднял мятеж против Котиса. Оба фракийца просили Афины о поддержке: афиняне, находясь в некотором замешательстве, помогали то тому, то другому (в одном из морских сражений Ификрат, являвшийся в то время советником Котиса, сражался против афинских стратегов, поддерживавших Мильтокита, — Дем. XXIII. 130). После поражения Мильтокита херсонесские города оказались в руках его союзника Ариобарзана. Котис в альянсе с лояльным Артаксерксу лидийским сатрапом Автофрадатом повел наступление на них. Прибывший наконец в зону проливов Тимофей поддержал Ариобарзана, завладел Сестом, Критотой, Элеунтом. Однако в 360 г. почти весь Херсонес вновь оказался под контролем Котиса. На его службе в это время находился Харидем, в предшествовавшие годы активно участвовавший в междоусобных войнах малоазийских сатрапов. После гибели Котиса (сентябрь 360 г.) предводителю наемников удалось отстоять Херсонес от афинян.

В заключении (с. 155–157) подводятся итоги исследования. Подчеркивается, что важнейшей причиной конечной неудачи афинян как на амфипольском, так и на херсонесском фронтах стало появление у них конкурентов в этом регионе, вмешательство в события

целого ряда других государств⁵. Роль некоторых участников конфликта (например, отдельных персидских сатрапов) и по сей день не может быть адекватно оценена. Войны в Северной Эгееде в 360-х годах отличались именно этой многосторонностью, что заставило афинян выработать ряд новых политических приемов: лавирование между соперниками, использование противоречий в их среде, стремление реализовать любую возможность для достижения желаемой цели, заключить союз с каждым, кто хотя бы пообещает помощь в этом деле, независимо от истинных мотивов и степени надежности такого потенциального союзника. В качестве приложения в книге дается подробная синхронистическая таблица (с. 160–181), обобщающая все события не только в Северной Эгееде, но и в других регионах тогдашнего мира, имевших отношение к рассматриваемым войнам.

Следует указать на некоторые моменты, сделавшие рецензируемую монографию менее удачной, чем она могла бы быть. Непомерно большое место, на наш взгляд, занимают в работе хронологические экскурсы. Они значительно превосходят по размерам собственно содержательные главы. Безусловно, выяснение с.возможно большей точностью датировок событий, которые практически еще не были исследованы, – дело нужное, но оно не должно затмевать основной проблематики книги, которая, отнюдь, не заявлена как чисто хронологическое исследование.

Интересно проследить, какие методы использует автор в этой сфере. Дж. Хескел старается для каждого, даже второстепенного, события установить максимально конкретную – до нескольких дней – дату. Но при этом зачастую используется аргументация, которая, признаться, просто непонятна. Несколько характерных примеров. Эсхин (II. 29) сообщает, что Ификрат изгнал узурпатора Павсания из Македонии. Дж. Хескел пишет (с. 24): «У Ификрата, вероятно, не заняло очень много времени... изгнание Павсания из Македонии. Положив три недели на захват Павсанием Антемунта, Стрепсы и Термы и еще два-три недели на его столкновение с Ификратом, мы можем датировать его изгнание концом лета 366 г.». Откуда берутся эти цифры? Почему мы должны принять именно их? Никаких объяснений не дается, и датировка события повисает в воздухе.

Другой пример. Демосфен (XXIII. 149) пишет следующее: «Этот человек (Харидем. – И.С.) первым делом вернул заложников (которых Ификрат, получив от Гарпала, передал ему для охраны) жителям Амфиополя» (пер. В.Г. Боруховича). Больше мы абсолютно ничего не знаем об этих заложниках, и упомянутый здесь Гарпал никак не идентифицируется. Хескел же делает из этого коротенького сообщения далеко идущие выводы (с. 28). Оказывается, заложники были взяты у амфиполитов македонянами (ведь имя «Гарпал» – типично македонское!) по условиям союзного договора, существование которого, таким образом, приходится постулировать. «Поскольку Ификрат получил заложников весной 365 г., македоняне должны были получить их незадолго до того» (?). Следовательно, договор с Амфиполем заключил Птолемей. К тому же делается вывод (с. 25), что Ификрат был отстранен от командования при Амфиполе именно за то, что передал заложников Харидему (характерная логическая ошибка: *post hoc ergo propter hoc*).

Конечно, далеко не во всех случаях аргументация автора столь же малоубедительна. Но в целом приведенные примеры характерны для метода Дж. Хескел. Делается недоказуемое предположение, затем оно используется как база для выдвижения другого, и так выстраиваются целые цепочки гипотез, на которых и зиждется вся хронология событий. Не лучше ли было бы в каких-то случаях просто признаться, что нам пока не под силу установить с абсолютной точностью дату того или иного эпизода?

Вообще хронологические экскурсы производят довольно сумбурное впечатление (особенно это относится к гл. 3). Факты рассматриваются не в хронологическом порядке, что значительно затрудняет восприятие их реконструкции. На читателя обрушивается целый поток малоизвестных событий, в которых нелегко разобраться даже специалисту. Перед нами – некий сырой материал, подготовительные разработки, которым место скорее в черновиках, нежели в окончательном тексте монографии.

По нашему мнению, хронологические экскурсы могли бы быть значительно короче, что, кстати, придало бы им и дополнительную стройность и сделало бы суждения автора более надежными. Возможно, их лучше было бы отнести в приложение. Такого рода сокращение позволило бы расширить собственно содержательную часть исследования. Расширение это

⁵ Уже отмечалось, что в IV в. другие государства догнали Афины, сведя на нет их бывшее военно-административное преимущество: Davies J.K. *The Fourth Century Crisis: What Crisis? // Die athenische Demokratie...* S. 35.

могло бы пойти в двух направлениях. Во-первых, путем более подробной обрисовки общего политического контекста того времени в эллинском мире. Этот контекст дан зачастую пунктирно, почти мимоходом. В итоге создается ложное впечатление, что интересы всех «великих держав» IV в. были сконцентрированы едва ли не исключительно на Амфиполе и Херсонесе. Во-вторых, можно было бы существенно углубить выводы работы. В их нынешнем виде они выглядят достаточно банальными. Стоило подумать, например, и о других причинах афинских неудач, кроме наличия многочисленных конкурентов. Так, не может не броситься в глаза, что в рассматриваемый период афиняне чрезмерно распляли собственные силы, старались успеть буквально везде, уже не имея для этого необходимых сил и не учитывая осложнившейся обстановки. Нельзя не принимать во внимание и негативные последствия слишком частых смен командования. Не менее десяти афинских стратегов вели в разные периоды 360-х годов военные действия в Северной Эгееде. Они постоянно находились под угрозой досрочного смещения, суда и даже казни (что не раз и происходило на деле), действовали в условиях острого дефицита как людской силы, так и финансовых ресурсов; при этом требования к ним предъявлялись непомерные, а малейшей оплошности демос не прощал⁶. Думается, не случайно единственный афинский полководец, сумевший более или менее стабильно продержаться в регионе несколько лет, Тимофей, добился как раз и наибольших успехов.

Эти и многие другие вопросы могли бы быть с полным основанием поставлены и рассмотрены автором на материале анализируемых событий. К сожалению, Дж. Хескел предпочла пойти по другому пути, открыв перед читателем свою исследовательскую «кухню», находиться в которой ему, в общем-то, не так уж и интересно. И тем не менее начало положено, важная и почти неисследованная тема стала объектом изучения. Будем надеяться, что следующие работы и самой Дж. Хескел, и других авторов внесут больше ясности относительно сущности рассматриваемых событий и их места в греческой истории.

И.Е. Суриков

⁶ Именно с начала 360-х годов положение стратегов в афинской политической жизни ухудшается: Mossé C. La classe politique à Athènes au IVème siècle // Die athenische Demokratie... S. 72.